В вечернем троллейбусе, которые таксисты называют сараями, я оказался не случайно. Расписание туров чемпионата края по шахматам было устроено так, что у меня оказалось три свободных дня. Естественно, возник вопрос: как использовать это богатство? В поисках вариантов я поехал сначала в аэропорт, а потом на железнодорожный вокзал. На вокзал я ехал на троллейбусе, где и произошла сценка, давшая название этой зарисовке.

Время было послепиковое, и народу было немного; правда, места все были заняты. В аэропорту на передних сиденьях, где были нарисованы медицинские атрибуты (для инвалидов и пассажиров с детьми), случилась такая расстановка (рассадка): на правое переднее сиденье села женщина лет пятидесяти с несколькими громоздкими сумками. Сумки она расположила прямо на сиденье возле окна, сама села рядом. Свободным остался лишь краешек сиденья. Женщина несколько раз порывалась заплатить за багаж, но так и не заплатила. Для неё было очень важно хорошо расположить сумки, чтобы за ними было удобно смотреть и чтобы они никому не мешали. Этого она добилась, но оказалось занятым место...

На переднем левом сиденье сидели мужчина лет двадцати семи — тридцати и мальчишка лет двенадцати.

Между ними стояли сумки, что создавало иллюзию их общности. Когда я заходил в троллейбус в аэропорту, размещение было сделано.

Я купил билет и расположился справа по ходу автобуса, позади женщины с сумками.

На следующей остановке в переднюю дверь вошел дед лет шестидесяти — шестидесяти пяти, троллейбус тронулся, а дед заглянул в окошечко водителя — это был мужчина — и начал выговаривать водителю за то, что тот остановился не тютелька в тютельку на остановке. Я посоветовал «воспитателю» не отвлекать водителя во время движения. «Воспитатель» ответил мне чем-то вроде: «Прижми язычок»,— и сделал соответствующий жест (поднёс палец к губам).

Правда, после этого он уже к водителю не обращался, а переключил внимание на сиденья в поиске свободных мест, но таковых не оказалось. «Воспитатель» время от времени пристально смотрел на мужчину с мальчиком, хотел высказаться, но несколько остановок сдерживался. Наконец, прорвалось, и он обратился к мужчине: «Чему вы учите своего сына, если он не знает, что надо уступать место старым людям?» Начал он издалека, а продолжал проще: «Может быть, вы всё-таки уступите место?!»

Мужчина ответил, что рядом свободное место, надо лишь убрать сумки. «Воспитатель» двинулся туда, а женщина предложила ему своё место, а не сумочное. Он отказался, сказав, что она ему в невесты годится, и продолжил разговор с «отцом» и «сыном» на тему воспитания. Несколько раз он обращался к мужчине с претензиями, мужчина отвечал, что это не его сын, а сам он имеет право сидеть, поскольку сам инвалид. «Воспитатель» игнорировал слова о не сыне и продолжал гнуть свою линию. Развязка наступила на остановке «Улица Перенсона», когда мальчик собрал сумки и вышел из троллейбуса, а мужчина остался сидеть. Наверное, «воспитатель» чувствовал себя не очень хорошо, ибо остановки три молчал, и лишь выходя из автобуса вместе с женщиной, «уточнил», что мальчишку плохо воспитала... мать!

Красноярск, сентябрь 1982